

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

15 ЯНВАРЯ № 2. 1873 года.

Ректоръ Екатеринославской Духовной Семинаріи
Архимандритъ Даніиль.

Окончаніе (*).

Среди выпускныхъ экзаменовъ, получено было извѣстіе, что къ намъ назначенъ ревизоромъ Высокопреосвященный Иннокентій, архіепископъ Херсонскій и Таврическій. Ревизоръ пріѣхалъ. Экзамень начался въ богословскомъ классѣ; на средину экзаменаціонной залы вызванъ былъ З—скій, котораго предполагали послать въ Академію. Вопросы З—му слѣдовали, отъ лица ревизора, сначала по догматическому Богословію, но потомъ, по извѣстной *Иннокентіевской методѣ*, касались всѣхъ предметовъ семинарскаго курса. На что не могъ отвѣтить З—скій, на то долженъ былъ, если могъ, отвѣчать тотъ ученикъ, къ которому обращался Высокопреосвященнѣйшій ревизоръ; работалъ головою цѣлый классъ: очевидно, знаменитому ревизору желалось узнать заразъ уровень умственнаго развитія всего богословскаго класса. Пришлось, часть экзамена кончился. Вы в какой губерніи? — спросилъ Высокопреосвященный З—го. Херсонской. Такъ вы — нащъ.

(*). См. Екатеринос. Епарх. Вѣд. № 1.

Перикль

Перикль въ Одессу, мы пошлемъ васъ въ Иерусалимъ для изучения арабскаго языка».

По выѣздѣ ревизора, о. ректоръ позвалъ меня къ себѣ, поцѣловалъ въ голову и сказалъ: «а вѣдь Иннокентій приказалъ васъ послать въ Кіевскую Академію на счетъ казны; неужели вы будете противиться и этому выбору?» Начались баникулы, — вмѣстѣ съ тѣмъ началось для меня время серьезной подготовки: я буквально цѣлые дни до глубокой ночи проводилъ вмѣстѣ съ о. ректоромъ. Мы штудировали вмѣстѣ весь семинарскій курсъ, не исключая даже математики. Однажды мы долго бились надъ рѣшеніемъ какой-то алгебраической задачи; вдругъ ключъ разумѣнія найдеть — и мы оба расхохотались отъ души: до такой степени то, чего мы искали, было просто. «Истина вообще проста — сказалъ о. ректоръ, и всегда присуща нашей душѣ, но таково свойство нашего поврежденнаго грѣхомъ разума, что онъ добирается до истины долгими, окольными путями. Вся исторія философіи представляетъ собою непрерывную цѣпь блестящихъ ошибокъ челоѣческаго ума, и тотъ прогрессъ, о которомъ трубятъ Гегель, достается намъ кровавымъ потомъ, квинтъ-эссенціей заблужденій и разочарованій. И при всемъ этомъ, прогрессъ неидетъ далеко, въ глубь: итогъ основныхъ истинъ подведенъ Христомъ; мы прогрессируемъ только въ ширину, варьируя и въ мысли и въ жизни, на тысячу причудливыхъ мотивовъ, старую пѣсню».

Въ подобномъ родѣ мѣткія замѣчанія о. ректора разнообразили и оживляли всѣ мои занятія. И сколько было невыдаваемой свѣжести и непререкаемой жизненной правды въ этихъ замѣчаніяхъ! Припоминаю одинъ изъ таковыхъ экспромптовъ, сказанный имъ по поводу незаслуженныхъ оскорбленій, которыми зависть и тупость не разъ окружали благородное существованіе Перикла. «Перикль — высокое, пласти-

чески-живое выраженіе того, что лучшаго и прекраснаго могла создать античная жизнь Греціи: въ этомъ-то и вся вина его предъ современниками. Людская ограниченность любить ограниченность, и, тайно или явно, ненавидитъ все выдающееся, все то, что даетъ чувствовать ей ея собственное ничтожество. Отъ того люди, въ продолженіи долгаго періода времени, терпѣливо сносятъ всякую бездарность, но никогда не могутъ долго выносить вліянія таланта или генія: тому и другому, въ концѣ концовъ, разумѣется при жизни, толпа плететь, если не терновый вѣнецъ, то ужъ непременно главо-тяжецъ клеветы и презрѣнной диффамациі. Если бы у Перикла не было Анаксагора, Эхила, Сократа—прекрасной, дружественной среды, которая освѣжала Перикла, давала ему нравственную оцѣнку и поддержку—можно было-бы подумать, что волноваться высокими нравственными ощущеніями, всею душою ненавидѣть ложь, въ чемъ-бы она не проявлялась, любить истину и честно выражать ее и въ словѣ и въ жизни—значитъ быть несчастнымъ».

Вообще можно сказать, безъ преувеличенія, что о. архимандритъ обладалъ возможно широкимъ, для его времени, образованіемъ. Онъ зналъ въ совершенствѣ классическую литературу запада; любилъ всею душою лучшихъ представителей русской мысли—Кирѣевскаго, Хомякова, Грановскаго, (отчасти Бѣлинскаго); образцовыя произведенія Жуковскаго, Пушкина и Лермонтова читалъ наизусть и смѣялся «сквозь слезы» съ Гоголемъ. Весьма знаменательно то, что обширное образованіе о. архимандрита не мѣшало ему быть глубокимъ аскетомъ: разумѣется его аскетизмъ не былъ безусловнымъ попраніемъ жизни, отреченіемъ отъ міра мысли и чувства; напротивъ его аскетизмъ, какъ аскетизмъ Дамаскина, былъ полонъ живой любви къ природѣ, и высокой, созерцательной поэзіи. Я люблю Соломона, выражался о. ректоръ, не за его

мудрость, обезумѣвшую предъ женской красотой, не за его богатство, которое пахло потомъ и кровно Израиля, но за его любовь къ природѣ, за то, что онъ интересовался здѣсь всѣмъ «отъ кедра даже до иссопа». Нужно-ли вспоминать при этомъ, что самъ о. ректоръ, свободное отъ обязательныхъ занятій время, посвящалъ на изученіе любимой имъ Ботаники, и изучилъ ее такъ, что профессоръ Харьковскаго Университета г. Черняевъ интересовался ею ботаническими свѣдѣніями? ¹⁾ Часто, въ лунныя ночи, гуляя съ о. Даниломъ въ ректорскомъ саду, я былъ свидѣтелемъ того духовнаго восторга, который обнималъ его душу, при взглядѣ на «снюю бездну, усѣянную мириадами звѣздъ». Не рѣдко изъ груди его, въ эти минуты, вылетали едва замѣтные, сдержанные вздохи: быть можетъ то были слѣды гдѣ-то далеко, внутри его существа, совершавшейся незримо для міра, нравственной борьбы.. Такъ потухающій вулканъ еще издаетъ по временамъ глухіе, но уже не злобщіе стоны и звуки.

Разъ—въ одну изъ лучшихъ, свѣтлыхъ ночей, какія выпадаютъ на долю Екатеринослава, мы, по обыкновенію, изъ покоевъ ректорскихъ вышли въ садъ «Свѣтъ луны и шопоть листьевъ и мерцанье звѣздъ, а вдали—блестящая слезой, глубокая душа Дѣбра, обреченнаго на безвозвратное теченіе въ море» — замѣтилъ о. ректоръ, пародируя музу г. Фета. На душѣ, однакоже, было тяжело, разговоръ не клеился—мы шли молча... Мгновенно все лицо о. архимандрита озарилось; бросивъ глубокой, пристальный взоръ къ небу, онъ, съ необыкновеннымъ воодушевленіемъ, прочоль наизустъ отрывокъ «Исповѣди» блажен. Августина, въ которомъ изображается сыновняя бесѣда его съ благочестивою матерью—Моникою:

¹⁾ Это не вполне вѣрно: съ г. Черняевымъ имѣлъ сношеніе не о. Данилъ, а его бывший сослуживецъ и Инспекторъ Семинаріи о. Нифонтъ—также съ любовью занимавшійся ботаникою и знавшій ее, по свидѣтельству его бывшихъ сослуживцевъ, весьма основательно. Прим. ред.

«Мы были одни, бесѣдая съ невыразимою сладостію; и забывая прошлое, простираясь впередъ, разсуждали между собою о томъ, какова будетъ для святыхъ та вѣчная жизнь, которой око человѣка не видѣло, ухо не слышало, и сердце его обнять не можетъ. И носимые порывомъ любви къ Сущему, мы восходили по степенямъ тѣтъ даже до пространствъ небесныхъ, откуда луна, солнце и звѣзды посылаютъ намъ свой свѣтъ. И восходя еще выше нашу мыслію, нашимъ словомъ, нашимъ удивленіемъ къ Твоимъ дѣламъ, Господи, мы устремлялись нашими душами за предѣлы всего видимаго, силясь постигнуть Мудрость несотворенную, которая есть, была и будетъ всегда тою же, или лучше для которой нѣтъ ничего прошедшаго, и ничего будущаго, но единое всегда сущее настоящее, ибо она вѣчна. Бесѣдуя такимъ образомъ, въ нашихъ стремленіяхъ къ вѣчной жизни, мгновенно мы коснулись ея порывомъ сердца и вздыхали по ней, стремясь къ ней духомъ, и, снова нисходили въ область звуковъ голоса, отдаваясь слову, которое начинается и оканчивается. Мы говорили, что если бы въ душѣ смолкли возмущенія плоти, и сама она погрузилась въ молчаніе, и, такъ сказать, забывши саму себя, переступила бы свой внутренній порогъ; что если бы всякій голосъ замеръ въ молчаніи, когда душа возвышается къ Творцу всяческихъ;—и возлагола бы ей Онъ одинъ, уже не чрезъ твореніе, но Самъ Собою—Онъ, котораго мы любимъ въ твореніи; что если бы мысль наша продлила это свое пареніе, если бы устранились предъ ней всѣ виды порядка низшаго, и если бы она одна увлекла, плѣнила, поглотила созерцателя своими таинственными радостями»! ¹⁾ Казалось, что мѣсяцъ и звѣзды, и все окружающее, среди полунощной тишины, съ благоговѣніемъ внимало этой огненной рѣчи... «Пора!» Я принялъ благословеніе у

¹⁾ Август. Confess. кн. IX.

о. архимандрита; нѣсколько мгновений, молча, держалъ онъ руку мою въ своей рукѣ — какъ будто желая увлечь меня въ самую таинственную, *глубинную бездну* своего духа, взволнованнаго приливомъ небесныхъ ощущеній. Это было прощальное свиданіе паше, наканунѣ выѣзда моего въ Кіевъ — и послѣднее въ этой жизни.

Два года назадъ, бывши въ Екатеринославѣ, я счелъ правдивною обязанностію поклониться праху человѣка, оставившаго въ душѣ моей неизгладимый слѣдъ. Обиженные заботы, «мелкія невзгоды жизни» — все смолкло въ душѣ моей, при видѣ дорогой могилы. И вспомнилъ я нашу послѣднюю бесѣду, и всѣмъ существомъ своимъ желалъ почуять дыханіе *иной жизни*, въ сравненіи съ которою радости и пѣсни земли слишкомъ скучны и ничтожны. Лучъ заходящаго солнца, какъ бы вторя моимъ мыслямъ, освѣтилъ на дальнемъ памятникѣ, радушнымъ блескомъ апокалипсической стихіи: *блаженни мертвіи, умирающіи о Господѣ; ей, почіють отъ трудовъ своихъ!* Стемнѣло. Взоръ мой, въ послѣдній разъ, упалъ на полустлѣвшій, деревянный крестъ, осѣняющій могилу о. архимандрита... Отчего бы — подумалъ я — ученикамъ покойнаго ректора не поставить здѣсь, на этой поучительной могилѣ, приличнаго, скромнаго памятника... Это было бы лучшимъ выраженіемъ глубокой признательности глубокоуважаемому профессору и замѣчательному въ духовной средѣ человѣку, выраженіемъ *не на словахъ только, но и на дѣлѣ*. Съ своей стороны, на это доброе дѣло я готовъ. Прот. *Θ. Покровскій*.

С Л О В О ¹⁾

въ 3-ю недѣлю по просвѣщеніи.

Иисусе, Сыне Давидовъ, помилуй мя! (Лук. 18, зв.).

Такъ, слушатъ, умоляя Господа, шедшаго въ Иерихонъ, слѣпецъ, сидѣвшій при дорогѣ, по которой проходилъ Иисусъ

¹⁾ Слово это прознесено въ Таганрогской Митрофановской церкви 23 января 1872 г.

Христось. Удивительно, на сколько была сильна вѣра упоминаемаго въ нынѣшнемъ Евангеліи слѣпца. Какъ слѣпецъ, онъ не видитъ окружающихъ его предметовъ и лицъ; между тѣмъ замѣчаетъ шумъ; имъ овладѣваетъ любознательность — онъ хочетъ узнать, что происходитъ вокругъ него и когда спросилъ объ этомъ и узналъ, что здѣсь проходить Иисусъ Христось, то съ полною вѣрою въ Него, какъ истиннаго Мессію, взываетъ: *Иисусе, Сыне Давидовъ, помилуй мя!* Ему замѣчаютъ, его просятъ оставить свое воззваніе, но онъ еще съ большимъ усиліемъ продолжаетъ умолять Господа: *Иисусе, Сыне Давидовъ, помилуй мя!* Спаситель обращается къ нему съ вопросовъ: *чего хочешь отъ Меня? Прозрѣть хочу,* отвѣчаетъ слѣпецъ, и получилъ отвѣтъ: *буди тебѣ по вѣрѣ твоей — прозри,* и — прозрѣлъ.

Слѣхр — не! Мы не слѣпые, — насъ Богъ одарилъ всѣми чувствами; мы имѣемъ возможность всегда видѣть Господа; намъ никто не мѣшаетъ обращаться къ Нему съ молитвою, а напротивъ есть средства, способствующія къ тому, а между тѣмъ, какъ далеко въ вѣрѣ своей мы уступаемъ Иерихонскому слѣпцу? Почему? Гдѣ искать причины и разъясненія этого печальнаго явленія? *Несвѣдѣніе Божіе тѣмъ имутъ къ сраму вамъ о глупото* (1 Кор. 15, 34.). Вотъ слова Св. Ап. Павла сказанныя имъ своимъ современникамъ, которые очень поучительны и для насъ въ настоящемъ случаѣ, потому что эта укоризна Св. Апостола относится какъ нельзя больше къ нашему времени. — У каждаго изъ насъ, конечно, найдутся общія свѣдѣнія о нашей вѣрѣ, полученныя нами въ дѣтствѣ, или же, какъ бы мимоходомъ, схваченныя въ болѣе полномъ возрастѣ нашей жизни; но развѣ эти отрывочныя, общія и короткія свѣдѣнія, не выясненныя нами надлежащимъ образомъ, не прочувствованныя глубоко нашею душею, могутъ дать силу и готовность быть истинными христіанами по вѣрѣ и

вѣламъ? Безъ всякаго сомнѣнія—нѣтъ! Каково наше знаніе вѣры Христовой, такая должна быть и самая вѣра въ нее, и какова наша вѣра, такая же должна быть наша жизнь и дѣятельность. Мы не можемъ глубоко вѣрить въ то, чего сами не знаемъ, или же знаемъ очень поверхностно и недостаточно; въ свою очередь, вѣра наша, соединенная съ сознаніемъ, не есть собраніе отвлеченныхъ истинъ для одного разума, а живое убѣжденіе, имѣющее неотразимое вліяніе на всю нашу жизнь и дѣятельность. И ничто не въ состояніи замѣнить этого благодѣтельнаго вліянія вѣры. Такъ, для защиты и охраненія нашихъ гражданскихъ правъ, у насъ существуетъ законодательство; но никакое законодательство, какъ бы ни было изложено оно подробно и обстоятельно, не въ силахъ оградить насъ отъ неправдъ, насилій и притѣсненій, если только общество, среди котораго мы живемъ, недостаточно усвоило духъ христіанскаго ученія. Жизнь человека до такой степени разнообразна, такъ много непредвидѣнныхъ случайностей входитъ въ эту и безъ того разнообразную жизнь, а человекъ, по природѣ своей, такъ склоненъ ко злу, что никакая внѣшняя сила не въ состояніи задержать и предотвратить всѣхъ низкихъ стремленій нашей плоти и назначить имъ опредѣленные границы. Одна только религія Христова, глубоко усвоенная нами и составляющая нашу жизнь, даетъ намъ силы и готовность противустоять искушеніямъ міра сего. Безъ вѣры невозможно наше земное благоденствіе. Исторія европейскихъ христіанскихъ обществъ подтверждаетъ намъ ту истину, что вѣра Христова есть единственная основа могущества и славы націй, блюститель народной правденности и благоденствія народа. Но этимъ не исчерпывается великое значеніе христіанской религіи. Она есть не только источникъ нашего земнаго благоденствія, но вмѣстѣ и вѣрный путь къ достиженію жизни небесной и

вѣчной, которую Господь нашъ Иисусъ Христосъ обѣщаль
дать истиннымъ своимъ послѣдователямъ.

Однако, не смотря на все это, у насъ очень мало обра-
щается вниманія на изученіе и усвоеніе духа спасительной
вѣры Христовой.— По своему положенію въ великой семьѣ
нашего отечества, мы принадлежимъ къ различнымъ сосло-
віямъ. Всякое сословіе имѣеть свои особыя занятія, которыми
доставляетъ себѣ пропитаніе и вмѣстѣ съ тѣмъ снабжаетъ
своимъ трудомъ другія сословія; каждый заботливый отецъ
семейства считаетъ своею священною обязанностію передать
дѣтямъ своимъ свои знанія и наблюденія и приготовить изъ
нихъ людей способныхъ, въ послѣдствіи, собственнымъ трудомъ
добывать себѣ все необходимое для жизни. Но при этомъ
очень часто забывается, что всѣ мы, при всемъ внѣшнемъ
различіи своего положенія, званія и состоянія, должны пред-
полагать для себя одну цѣль — спасеніе, съ одинаковыми
естественными и божественными средствами должны неуклон-
но стремиться къ достиженію этой цѣли; — забываемъ, что
всѣ мы призваны самимъ Богомъ быть гражданами одного
небеснаго царства, сынами одного Небеснаго Отца и послѣ-
дователями Единороднаго Его Сына, и потому религіозное
воспитаніе, по большей части, у насъ ограничивается крат-
кими и неудовлетворительными свѣдѣніями. А отсюда какой
результатъ? Смотрите: сколько встрѣчается несчастныхъ юно-
шей, не приученныхъ съ малолѣтства къ послушанію церкви,
которые едва умѣють, такъ сказать, различать десницу отъ
лука, и уже пропитаны вольнодумствомъ, глумящимся надъ
священными правилами и обычаями жизни христіанской! Нѣтъ,
почтенные отцы и матери семействъ, если желаете истиннаго
счастія своимъ дѣтямъ и своему потомству, то доставляйте
имъ прежде всего воспитаніе христіанское, постарайтесь въ
эти молодья, воспріимчивыя и чистыя сердца влить прежде

всего духъ спасительной вѣры Христовой и потомки ваши будутъ истинными сынами отечества, небснаго и земнаго, полезными гражданами общества, среди котораго будутъ жить, и истинными послѣдователями Исуса Христа, друзьями челоѡчества и надежною подпорою вашей старости. Да, сл., одна святая вѣра Христова можетъ искоренить тѣ наши недостатки и пороки, противъ которыхъ оказываются несостоятельными всѣ другія средства; тѣ недостатки и пороки, готъ которыхъ и намъ часто приходится страдать въ этой короткой земной жизни; и которые могутъ заградить намъ путь къ достиженію жизни вѣчной. Будемъ же, сл. хр--не, помнить это великое значеніе христіанской религіи и постараемся быть христіанами не только по имени, но по вѣрѣ и дѣламъ.

По вѣрѣ и дѣламъ? Неужели недостаточно одной вѣры для того, чтобы быть христіаниномъ? Неужели нужны и дѣла? Нужны, слушат! *Вѣра безъ дѣлъ мертва есть*, говоритъ священное писаніе. Какія же это нужны дѣла? Тѣ дѣла, отъ которыхъ происходитъ и которыми опредѣляется все лучшее и совершеннѣйшее въ жизни и стремленіяхъ челоѡчества, — это *добрыя дѣла*, которыя должны служить и побужденіями и закономъ нравственной дѣятельности каждаго челоѡка-христіанина. Но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Дѣйствительно ли въ наше время *добрыя дѣла* служатъ закономъ нравственной дѣятельности людей? Къ несчастію, сл. не всегда! Наше время, — время прогресса во всѣхъ отрасляхъ жизни челоѡчества, въ нравственномъ отношеніи идетъ какъ бы регрессивно, идетъ назадъ. Какъ рѣдко приходится сталкиваться съ добрыми дѣлами, зато такъ часто встрѣчаешься со зломъ; *зло* сдѣлалось какъ бы двигателемъ жизни челоѡческой, а *интересъ* — вѣрный спутникъ зла, считается *идоломъ*, предъ которымъ едва-ли не всякій готовъ преклонить свою голову. Выработанная поговорка „*наши нынѣ дни лучше всякой ре-*

комендацій“ даетъ ясно понять: до какой степени чело­вѣче­ство пристрастилось къ земному, забывъ интересы высшіе — небесныя. Человѣкъ-христіанинъ, въ настоящее время, за­былъ заповѣдь, данную ему Небеснымъ Учителемъ: *Всякому, просящему у тебя, давай, и отъ взявшаго твое не требуй назадъ* (Лук. 6, 30.); онъ сдѣлалъ для себя лучшей пери­фразъ этихъ словъ: „*есть случай пользоваться — пользоюся*“, не разбирая того, честно ли это будетъ, или нѣтъ. И, удиви­тельно, какъ эта язва развилась въ современныхъ обществахъ и проявляется даже тамъ, гдѣ особенно нельзя было бы ожи­дать ее, гдѣ, напротивъ, должно было бы царствовать безкоры­стіе и правда, гдѣ руководства, правила и начала жизни со­всѣмъ не должны бы подходить подъ правило житейской мудрости... Такъ уже, скажемъ, чело­вѣчество, по испорчен­ности нравственной природы своей, (склонно ко злу.) Приш­лось-ли вамъ имѣть дѣло, касающееся интереса, съ какимъ нибудь другомъ — пріателемъ, вѣрьте — онъ измѣнить вамъ; случилось-ли вамъ дѣло въ присутственномъ мѣстѣ, — вѣрьте, въ видахъ интереса, проводятъ васъ лишнихъ двѣ, три не­дѣли, всегда удовлетворяя ваше желаніе благосклоннымъ от­вѣтомъ: „*еще не готово, — пожалуйста завтра*“... Однимъ словомъ, вездѣ и всегда главную роль играетъ интересъ, побудившій чело­вѣка забыть все святое и заставившій его обоготворять самую жалкую страсть! — Забыли мы, сл., пер­вую заповѣть десятословія: *Азъ есмь Богъ твой, да не будутъ тебѣ бози инии, развѣ Мене*. Мы уже нажили себѣ столько боговъ, что и сосчитать трудно, а Бога — Небеснаго Отца, со­творившаго насъ по образу своему и по подобію, чуждаемъ и закона Его не исполняемъ; Единороднаго Его Сына, Гос­пода нашего Иисуса Христа, распятаго на крестѣ за грѣхи наши, мы еще болѣе распинаемъ своею жизнью и дѣятель­ностію, своими страстями и похотями. Горе намъ, слушатели!

Какою мѣрою мѣряемъ, такою же отмѣрится и намъ (Лук. 6, 38.). Чуждаемся мы теперь Господа Бога, отвертится лице Его отъ насъ на страшномъ судѣ Божіемъ; отвергаемся отъ Господа нашего Иисуса Христа, не исполняемъ Его заповѣдей, отвергнетъ Онъ и насъ предъ Ангелами Божіими (Лук. 12, 9.).

Что же намъ дѣлать, сл., чтобы Сынъ человѣческой исповѣдалъ насъ предъ Ангелами Божіими? Будемъ исполнять Его заповѣди, потому что кто исполняетъ заповѣди Его, тотъ Его любить, а кто Его любитъ, того и Отецъ любить. Будемъ беречься отъ любостыжанія, ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія (Лук. 12, 15.). Не будемъ искать, что намъ ѣсть, или что пить, потому что всего этого ищутъ люди міра сего, Отецъ же нашъ небесный знаетъ, въ чемъ мы имѣемъ нужду, а будемъ искать прежде всего царствія Божія (Лук. 12, 29 — 31.). Не будемъ собирать сокровищъ, а лучше будемъ раздавать милостыню, и тѣмъ самымъ приобрѣтемъ себѣ сокровище неоскудѣвающее на небесахъ (Лук. 12, 33.). Будемъ любить враговъ нашихъ, благотворить ненавидящимъ насъ, благословлять кланущихъ и молиться за обижающихъ насъ (Лук. 6, 36.). Будемъ милосерды, какъ и Отецъ нашъ небесный милосердъ (Лук. 6, 36.). Будемъ стараться не о пищѣ тлѣнной, но о пищѣ, приводящей въ жизнь вѣчную, которую дастъ намъ Сынъ человѣческой (Іоан. 6, 27.). Перестанемъ быть грѣшниками, потому что грѣшниковъ Богъ не слушаетъ, а будемъ чтить Бога и исполнить волю Его, тогда и Отецъ будетъ слушать насъ (Іоан. 9, 31.).

Короче, будемъ жить такъ, чтобы и другіе, видя наши добрыя дѣла, прославили Отца нашего, иже на небесахъ (Мат. 5, 16.).

Псаломщикъ Тагапротской Митрофановской церкви, студентъ Григорій *Верский*.

Историко-Статистическое описаніе Константино-Еленинской церкви и прихода при ней.¹⁾

(Продолженіе).

III. Библіотека и архивъ Константино-Еленинской церкви.

Въ строгомъ смыслѣ при старой Константино-Еленинской церкви библіотеки не было, но былъ сундукъ, замѣнявшій ее, и хранившійся издавна въ церковной ризницѣ²⁾.

Между прочими книгами есть нѣкоторые изданія и по древности и по рѣдкости, заслуживающія нѣкотораго вниманія. Таковы: а) Евангеліе въ 4-ю долю листа, напечатанное въ два столбца въ одномъ по-гречески стариннымъ шрифтомъ, въ другомъ по-латыни. Послѣ четверо - Евангелія и Дѣяній Апостольскихъ сейчасъ же слѣдуютъ три Символа вѣры на греческомъ и латинскомъ языкахъ: Символь Апостольскій, Символь вѣры Никейскаго Собора и Символь Св. Афанасія Великаго, далѣе посланія апостольскія всѣ и Апокалипсисъ. Изъ надписи на Евангеліи видно, что оно напечатано въ 1618 году³⁾. б) Полный требникъ на мѣстномъ турецкомъ языкѣ съ присовокупленіемъ трехъ словъ Св. Климента Анкирскаго въ турецкомъ же переводѣ, напечатанный греческими литтерами и изданный въ Венеціи въ 1794 году. Печатная книга на турецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ: *Рухъ афизтлимъ Бахари Зумбульнаме*, въ буквальномъ переводѣ

¹⁾ См. Епарх. Вѣд. № 1.

²⁾ Въ настоящее время библіотека въ новой церкви находится въ самомъ удовлетворительномъ видѣ, какъ со стороны помѣщенія, такъ и по содержанію душе-спасительныхъ изданій, вновь приобретенныхъ,—по духовной и свѣтской литературѣ.

³⁾ Въ подлинникѣ написано такъ: Tubingae Typis Theodorigi Werlini, Impensis Iohannis Bernevi, Bibliof. Traneof. Anno M. D. C. XVIII.

значитъ: Слова и бесѣды на всѣ Воскресные дни въ году и г) Печатная книга въ 4-ю долю листа на турецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ *Хаджетъ наме китаби Султанъ Валитуллахъ Панайя Мевлутулаахынъ* въ переводѣ: книга усерднаго хваленія Пресвятой Царицы Богоматери. Въ ней содержатся: сказанія о чудотвореніяхъ Пресвятой Богородицы, канонъ молебный и акафистъ Ей же, молитвы на вечерни пятидесятницы, шестопсалміе, великое повечеріе, съ присовокупленіемъ въ концѣ разъясненія колѣнъ родства, допускающихъ бракосочетаніе. ¹⁾ Эта книга, равно какъ и предыдущая: «Слова и бесѣды», какъ значится на заглавныхъ листахъ, переведены и изданы іеромонахомъ Серафимомъ въ Венеціи. Первая въ 1795, вторая въ 1832 годахъ. — По свидѣтельству знатоковъ, турецкій переводъ въ сихъ книгахъ сдѣланъ чрезвычайно точно сравнительно съ греческими подлинниками. Есть еще одно Евангеліе рукописное, тоже на турецкомъ діалектѣ въ полулистѣ. Оно переписанно, какъ видно изъ надписи, какимъ то Михаиломъ Скарасіотисъ въ 1773 годѣ. Турецкій языкъ въ немъ гораздо проще и почеркъ письма не четкій. Всѣ означенныя книги переплетены и хранятся въ цѣлости въ сундукѣ. Когда и какъ вошли онѣ въ составъ бібліотеки нашей церкви, неизвѣстно. Архивъ текущихъ дѣлъ въ церкви имѣется съ 1809 года, хранится въ особо для этого устроенномъ шкафѣ и содержится въ удовлетворительномъ порядкѣ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Всѣ означенныя книги въ Турецкомъ переводѣ напечатаны Греческими литеррами.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

ОБЪ ИЗДАНИИ ВЪ 1873 ГОДУ

еженедѣльнаго журнала „ГРАЖДАНИНЪ“, органа
русскихъ людей, стоящихъ внѣ всякой партіи.

Программа его будетъ слѣдующая:

1) Важнѣйшіе законы и правительственныя распоряженія; періодическіе обзоры законодательной и правительственной дѣятельности.

2) Внутреннее обозрѣніе. Руководяція статьи по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ государственной, общественной и экономической жизни. Хроника текущихъ событій внутренней жизни. Отдѣлъ этотъ будетъ, между прочимъ, заключать:

- а) Важнѣйшіе государственные вопросы.
- б) *Земское дѣло*, съ сравнительнымъ изслѣдованіемъ каждаго вопроса по нѣсколькимъ губерніямъ.
- в) Изслѣдованія по торговой и промышленной жизни.
- г) Народное образование, и воспитаніе, во всѣхъ слояхъ общества, въ видѣ особыхъ изслѣдованій.
- д) Статистическія и этнографическія изслѣдованія.

3) Иностранное, политическое обозрѣніе, по истеченіи каждаго мѣсяца.

4) Внутреннія корреспонденціи и иностранныя по важнѣйшимъ событіямъ и вопросамъ.

5) Хроника по главнымъ отраслямъ общественной жизни.

6) Литература. Беллетристика, т. е. романы, повѣсти, драматическія произведенія и стихотворенія, картины жизни, статьи историческія, путевыя описанія, критика и фельетонъ.

Журналъ нашъ будетъ выходить, какъ прежде, по понедѣльникамъ, въ размѣрѣ отъ полутора до двухъ печатныхъ листовъ большаго формата, при чемъ предполагается издавать его въ продолженіе 12-ти мѣсяцевъ, безъ всякихъ прерывовъ.

Сверхъ того, редакція, если послѣдуетъ на то разрѣшеніе управленія по дѣламъ печати, имѣеть въ виду издать, въ теченіи года, альманахъ, въ размѣрѣ 30 листовъ, съ лучшими беллетристическими произведеніями, и всѣмъ годовымъ подписчикамъ на 1873 годъ предлагаетъ пріобрѣтеніе этого альманаха за поль-цѣны сравнительно съ продажной, о чемъ своевременно будетъ объявлено.

Цѣна годовому изданію журнала «Гражданинъ» съ пересылкою и доставкою 8 р., за полгода: съ пересылкою и доставкою 5 р., за треть года: съ пересылкою и доставкою 4 р., для служащихъ допускается разсрочка черезъ Казначей.

Подписка принимается въ *С.-Петербургѣ*, въ редакціи журнала „Гражданинъ“ — Николаевская, № 9, и въ книжномъ магазинѣ *А. Θ. Базунова*.

Въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*.

Въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ *Гинтера и Малецкаго*.

Иногородные адресуются *прямо въ редакцію «Гражданина»*, въ *С.-Петербургѣ*.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи Архимандритъ *Далматъ*.

Редакторы—сотрудники { *А. Ржевскій.*
Я. Степановъ.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Ректоръ Екатеринославской Духовной Семинаріи, Архимандритъ Даниль (окончаніе). II. Слово въ 3-ю недѣлю по просвѣщеніи. III. Историко-статистическое описаніе Константино-Еленинской церкви и прихода при ней (продолженіе). IV. Объявленіе.

Дозволено цензурою. 14-го января 1873 года.

Печ. въ Тип. Я. М. Чаусскаго.

